

Феофан ПРОКОПОВИЧ

Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великаго,

императора и самодержца всероссийскаго, и прочая, и прочая, в день тезоименитства его проповеданное в царствующем Санктъпетербурге, в церкви Живоначальныя Троицы, святейшаго Правительствующаго Синода вице-президентом, преосвященнейшим Феофаном, архиепископом Псковским и Нарвским

Се день, о сынове российский, прежде нам великую матерію радости подававший, ныне же непрестающую скорбь и печаль вящше возбуждающий, день тезоименитства Петра Великаго! Прежде в сей день торжествовала Россия, благодаря смотрению Божию за дарованного себе монарха, перваго толика славы в царех российских, первому апостолу тезоименнаго и не всуе имя сие имевшаго, твердаго в вере, крепкаго в деле и как на утверждение Отечества, так и на сокрушение супостат наших каменю подобнаго. Ныне же день сей, тоежде блаженство наше нам воспоминая, но уже от нас взятое, всех обще сердце наше, доселе от горести не услажденная, еще и паче огорчивает. Но что на пользу весьма побеждатися болезнию, когда так не возвратим, чего мы лишились! Не лучше ли то нам сделать, что и Богу, и Петру нашему должны мы: то есть предложить на среду славныя таланты, дела же и действия Петрова. Всем, что сих воспоминание покажет, коликая нам сделалася трата, и тако великая в нас возбудит стенания. Обаче, о слышателие, каковаго нас чудный муж сей исполнял духа, то есть крепкаго, мужественнаго и в христианской философии искуснаго, таковым духом и сие последнее послужение наше совершить ему долженствуем. Скорбим и сетуем, но не яко окамененнии; плачима и рыдаим, но не яко отчаяннии; тужим о горести сердца, но не яко немии и

чувств лишившиися. Многая одолжают нас, да не умолчим богоданных дарований, которыми нас обогатил изобильно, а весь довольно сущий сей отец наш Петр воистину Великий. Требуется от нас превысокое не по власти токмо, но и по силе, достоинство его; требует раболепное и сыновнее благодарствие наше; требует и наипаче явленное нам чрез него великое благоденствие Божие. Петрова бо дела предлагая, предложим дела Божия, которая по всей вселенной проповедуемая; аще мы умолчим, то якоже отъятием делателя недостойни их являемся, тако и молчанием неблагодарни Богу явимся.

Того ради, исполняя по силе сие наше должество и приступая к некоему Петровой славы повествованию (к некоему, глаголю, повествованию, неравному и недовольному, которому разве великия книги могут быть довольныя), молю и прошу христоролюбие ваше не о чем обычно просят слышателей проповедники, то есть да нестужително слышать изволите, но что напомним прежде, — да мужественное, и любознательное, и Петрову сердцу подобное возъимете великодушие и терпение, еже бы слышащим толика благоденствия, которых совершитель оставил нас, в конец душею не ослабеть.

Тебе, во-первых, и наипаче касается наше сие прошение, державнейшая монархиня наша, сильная сильнаго наследница. Потщися одолети нестерпимую болезнь твою известным всем в женской плоти твоей мужеством, поддержи терпеливн вонзенный в сердце твое терн сей и оружие, душу твою проходящее. Аще бо и прежде, сопутствуя Петру в великих и трудных походах его и всякия страхи мужественно презирая, едиными его самого бедствиями ты сокрушалася, — то кто исповесть нынешнюю твою горесть, Петра отъятием вшедшую в тебе. Того ради, при слышании Петровых дел, славою оных услаждай сердце твое и толикое лишение крайним великодушием понеси. Аз же надеюся, что повествованием сим не токмо возбудимся к благодарению Божией милости, много нам в Петре нашем благоденствующей, и Петру, много милостию Божией действовавшему, но и в настоящей скорби нашей получим отраду и утешение.

Не тако бо нас, о российский сынове, не тако оставил нас отец наш, аки бы все свое с собою унес, но оставленным оставил нам неисчетная богатства своя и различная дарования: ово во учении и образе, ово же и в содеянных делах, великих и бесчисленных. Трудность только предлежит, како бы она обнять и предоставить словом, а еще кратким и малоискусным. Вижду бо пространный облак сил и дел добродетельных, и что первее, что потом, что послезде сказать, но и что воспомянуть, что же за

краткость времени и оставить, недоумеваю. Посмотрим на двойственную должность и дело, первое, яко просто царя, второе, яко царя христианскаго, и каков и колик во обоих сих Петр казался, нечто, аще и несовершенно, сказать довольно будет. Чин же и порядок слова сего приимем от премудраго Иисуса Сирахова¹, который, похваляя Давида царя, первее воспоминает труды его человеческия, Отечество пользовавшия, потом же дела богословская, благоверию и Церкви пособившая.

Посмотрим же и мы первее на труды монарха нашего аки бы просто человеческия, хотя и не много в человецех подобная обретаются и кия от пользы Отечеству нашему богоданному достоянию своему, сотворил. А к сему великому делу нужда есть монарху, аще имя свое не вотще носит, нужда есть аки две некие не телесные, но умные руки — силу, глаголю, воинскую и разум политический: едино из них к защищению, а другое к доброму управлению государства. И непристойно еще руками сия нарицаю, понеже невозможно и двема руками двоих дел купно, а еще расстоящих и различных делать; лучше так сказать, что такому человеку нужда есть быть сугубым человеком: был бы он и в деле воинском искусный и храбрый, и в деле правителском искусный и прилежный. Много ли же таковых государей в историях обрящем? А Петр наш есть, и будет в последния веки таковыя то история, и чудная воистинну и веру превосходящая.

Хощеши ли видеть его силу воинскую? С природы охотный к оружию и жаркий к огню военному, во отроческом возрасте как играл и в чем забавлялся? Водить и строить полки, созидать крепости и тыяжды доставать, и оборонять, и полевым боем сражаться — то его забавы и потехи, то его младенческая играция. И что весма пречудно, когда не пора еще было быть ему учеником воинским, он уже аки старый того учитель, прежнее неправильное воинство, яко слабое к защищению, но токмо к разорению Отечества склонное узнав, презирать и отставлять, а новую регулу вводить потщался. И если бы таковой отрок у римлян оных древних, языческим суеверием ослепленных, явился, вси бы воистинну веровали, что он от Марса² рожден есть. Скоро же тогда малыя и недополныя земныя походы показались ему. Увиденный по случаю или паче по смотрению Божию ботик оный, древо тогда презренное, ныне же преславное, толикую разжегло в пространном сем сердце охоту к навигации, что успокоится не могло, донележе не достигло совершеннаго воднаго беспокойства. Кто же не удивится, как скоро и коль высоко от отроческих оных забав выскочил! В потешных войнах, аки бы в прямых и великих обучився, возрадовался, аки исполин

тещи путь, и позван от европейских потентатов в конфидерацию на турка, не дожидаяся начинания их, устремився на лютаго онаго супостата Христова и отъятием крепких его щитов — Кезикермена, где силою и повелением, и Азова, где лицом и действием, присутствовал. Много отъял у него высокоумнаго духа и показанным на море Черном флотом, до толь неслыханным, в страх и в сумнение привел его. И тако не Отечества токмо своего, но всего христианства защитник показался.

И туды он весь дух свой простирал. Крепкое его намерение было попать и умертвить дракона магометова или поне изгнать его из рая восточнаго. И небезнадежное того чаяние было, аще бы ты, о добрая Европа, отстала нрава и обычая своего, то есть несогласия и рвеня, и аще бы друг другу в общем всех бедствии не завидел, но споспешествовал.

Но Бог дивный в судбах своих благоволив в Петре явити силу и славу российскую и мир весь удивити, пресечением тогда турской войны не отъял у него, но пременял благословение свое.

Преставшей бо от Юга, востала буря от Севера, война Шведская воспланулася. О, и имя страшное! Шведская война! Где в свете ни услышано, что Русь с шведами в войну вступили, согласно говорено, что России конец пришел. И как не так было прорицать? Шведская сила всей Европе была страшная, а российская едва не коею силою нарицатися могла. Что же сделалось? Оное многих о крайнем падении российском пророчество весьма ложное показалось. Но мало то. Ложное было бы оное пророчество, хотя бы мы, сразившися с неприятелем, равным счастьем и несчастьем разошлись. Но то сделалось, о чем не токмо никто прорицать, но чего никто и надеяться не мог. Ибо кроме того, что не сильное, и не обыкшее к войне, и еще буква-ря, тако реци оружейнаго учитися начинающее воинство вступило в брань с сильными, и давно искусными, и везде единым звуком оружия свего страх и трепет носящими, еще так неравныи случаи и обстоятельства и поведения обоих сторон явились, что неприятелю мощно было наше уже своим нарицать, а нам не отчаяватися нашего трудно было. Не в одну сторону принуждены были делать экспедиции, не на одном, но на многих местах вступать в действия, в Ингрии, Карелии, в Эстонии, в Ливонии, в Курляндии, в Литве, в Польше, потом же и в Белой, и в Малой России, еще потом и в Молдавии (ибо война и турецкая от шведской зажженная, шведским огнем и громом наречися может), еще тогда же и в Померании, и Голштинии, и в Финляндии, и прочих странах. Помыслит же некто, что и противной стороне многие оные места проходить нужда была, и тако нам и им рав-

ные труды, равные и бедства, — но весьма слеп тот, кто не видел, как то были равные: таковое то было равенство, что откуду противным получены многие корысти, оттуду нам сделались убытки. Посмотри на Саксонию, где оным явное и действительное приятельство, тамо нам или сумнительная дружба, или известная вражда и противность. Посмотри на Польшу, и у кого получили они прибежище и защиту, от того мы терпели сильное востание. Посмотри на Порту Оттоманскую, в таковом же и в так бедственном походов многоместии, каковыя действия были? Еденоличныя ли, каковыя прежде России случались? Все иное: многовидныя и разнообразныя были подвиги и баталии не с одним народом и не одних воинских регул употребляющим, не толко же на земле, но и на море. Еще же и доставать противных и самих себе оборонять в крепостех; их доставать в крепостех твердых, себе оборонять в некрепких и слабых. Так много видеть было трудностей, что в оной войне многие были войны. И как вкратце представить возможно вся бедствия? Воспоманешь некая, и кажется, что хотя много да только всего того, и се яко тучи находят другия. Каковое бо се и коликое, — чего только я не проронил! Противный монарх в скором времени смирил и сломил двоих наших союзников и одного из них тихо сидеть понудил, а другаго с престола низринул: убыло же ему противности, а нам помощи. Но и то еще да судит кто невеликим. Что же когда и внутренния российския силы начали терзаться! Бунт донский, бунт астраханский, измена Мазепина³ — не внутреннее ли се терзание? Не самой ли утробы болезни? И тако до того пришло было, что во оной войне непросто уже не крепкая, но больная сущи Россия со Швециею, паче преждняго воссилевшею, вовела. Каковаго же, — рассудите, слышателие, — каковаго и коликаго государя оное столь лютое время требовало? Многочитаго воистину и многорукаго, или паче многосоставнаго, и на многия места и дела разделять себе могущаго. Тот же, и то, и таков был Петр наш! Петр — сила наша, которою и по смерти его мужествуем! Петр — слава наша, которою до скончания мира Российский род хвалится не престанет! Недоставало ли ему бодрости, трудолюбия, терпения, который столь многия, далекия, безгодныя походы поднял? Недоставало ли ему мужества и храбрости, который сам и в земных, и в морских баталиах, и в приступах, и атаках городовых присутствовал? Недоставало ли ему високаго разума, котораго и чужие глубокосовестныя мудрования, и внутренняя изменническия коварства не заплели и не уловили? Но вся оная и от вне, и от внутрь воставшия бури укротил, рассыпал и прогнал Петр. И тогда победил, когда само-

му ему побеждену быть многие надеялися. И так намоощными и изнемогшими победил сильных, как мало и сильнии немощных побеждают. И шлюся я на всех не нашего Отечества, но коей-нибудь нации не по страстем судящих мужей, не засвидетельствуют ли, яко истинному, моему сему изречению, что с таким славным и страшным (какий наш был) сопровтивником вступить в войну, разве во многих уже, со многими народами войнах, было бы нечто небезнадежно. А Петр, кроме похода Азовскаго, подетски игралищных войнах своих, будто он уже и с спартаканами, и с африканами, и с македонами доволно навоевался, втупил в сию победную и ужасную войну и на толикую высоту славы востекл, до которой и после многих военных искусств не многие добираются. И что же дивно, что он всему миру дивен стал, что и по далечайшим иноземным странам, куды прежде имя российское слухом не доходило, славятся дела его! Но мне еще всемирнаго удивления большее судится быть силе, что и главный его бывший сопровтивник со временем силе и мужеству его удивился и от котораго толикия принял язвы, уже того любить начал и, всех прочих презрев, с ним единым не токмо примириться, но и в союз дружеский совокупиться возжелал. Таковаго воистину свидетелства сильнейшего в свете никогда не бывало. И слава ли только толикому воспоследствовала мужеству? И то великое приобретение, великая прибыль славы; ибо таковая слава не токмо народом честь приносит, но и, противников сокрушая страхом, лучшее подает беспечалие. Но Петровы труды многия, и кроме славы породили плоды сладкия и нам, и нашим союзникам: земель наших отнятых возвращение, новых завоеванных присовокупление, твоего, польский Август⁴, престола восставление, твое, корона Датская, охранение, наше паки славное благополучие, водеоенный, честный и корыстный мир, мир милующаго Бога всещедрый дар и обоих народов веселие. Наконец, до толикой славы купно и пользы возрасло российское оружие, что и далечайшыя народы протекции и защищения у нас требуют: прибегают о том бедная Иверия, просила и просит корона Персидская, горские же и мидские варвары, единым оржия нашего зрением устрашены, одни покорилися, другие разбежалися.

Видевшие тако, слышателие, каков Петр наш был в деле воинском, что надлежит к заступлению и разширению государства, посморим еще, каков и в политическом или гражданском деле был, которую силу должен всяк государь иметь к управлению и исправлению своего Отечества, а здесь тот час нечто чудное и дикое нам является. Не скоро таковаго обрящем, который бы и к воинским, и к гражданским делам годный и охотный

был: иные весьма военные от политических помыслы, иные советы, иные и, почитай, противные искусства; инаго сие, инаго оное сердца, нрава и охоты требует, и едва не тако обоим сим в едином человеке трудно быть, как бы буре и тишине быть в одно время и на одном месте. Собственно же то невместимо, по-видимому, быть имело в Петре нашем. И естль ли бы кто, не ведая, сколь пространный ко всему дух его был, рассуждал только состав тела его, судил бы о нем, что к единому делу воинскому родился он: таковой его возраст, таковое зрение, таковое движение. А то вместилось в нем и сие и оное, и действовало превосходно и необычно, и еще в юношеской плоти мужеския намерения восприял. Велик бо сей монарх, пересекшийся по взятии Азова войне турецкой, получив мирный покой, праздно быть и без дел в грех себе поставил. Похитили сердце его чужие страны, разными учения и искусства словущие. Там ему не побывать возмнилось равне, аки бы и отнюдь не быть в мире сем; не видеть и не научиться действ математических, искусств физических, правил политических и известнейшия к тому гражданския, воинския и карабельныя архитектуры, — тех и прочих учений не перенять и аки дрожайших товаров не вывезть в Россию, равне аки бы и не жить судилося ему. Жалостно было отлучиться Отечества и дому, матери своей благоутробнейшей и любезнейшей фамилии отлучился. Тяжело было поднять на тело юношеское беспокойства и безгодия, еще же и бедствия дорожныя — поднъял. Трудно было перебыть завистная препятствия, ово тайная и лестная, ово же и явная, — перебыл. Так охотно избегал от Отечества ради Отечества, как бы другой уходил из плена и неволи; так к трудам спешил, как бы кто к царствованию; и так весело в деле карабельном и прочих выше упомянутых учениях трудился, как весело никто не сидит и на брачном пировании: даже получил чего желал, даже иный от себе, даже сам от себе лучший возвратился.

Что же, сам ли только лучший стал? Сам ли себе только добр и совершенен показался? Вемы воистину дух мужа сего, что единоличное свое и собственное добро, есть ли бы не сообщил всему Отечеству своему, никогда бы в добро себе не поставил. Прямая то была глава российская, не превосходством точию власти, но и самым делом. Яко же бо глава сделанныя в себе духи живительныя по всем членам и суставам роздает, тако и сей монарх, наполнен был разными исправлениями, наполнять теми же и вся чины Отечества своего прилежно потщялся. И мало ли тщанием своим сделал? Что не видим цветущее, а прежде всего нам и неведомое, — не все ли то его заводы? Есть ли на самое малейшее

нечто, — честное же и нужное, посмотрим, на чиннейшее, глаголю, о деяние, и в дружестве обхождение, на трапезы и пирования и прочия благоприятныя обычаи, — не исповема ли, что и сего Петр на научил? И чем мы прежде хвалилися, того ныне стыдимся. Что же рещи о арифметике, геометрии и прочих математических искусстваах, которых ныне дети российский с охотою учатся, с радостию навыкают и полученныя показывают с похвалою! Тыя прежде были ли? Не ведаю, во всем государстве был ли хотя один цирклик, а протчаго орудия и имен не слыхано; а есть ли бы где некое явилося арифметическое или геометрическое действие, то тогда волшебством нарицано. Что о архитектуре речем, каковое было и каковое ныне видим строение? было таковое, которое насилу крайней нужде служило, насилу от воздушной противности, от дождя, ветра и мраза охранять могло, а нынешнее сверх всякаго изряднейшаго угодия красотою и велелепием светлеется. Что еще и о воинской и о корабельной архитектуре? Того у нас прежде и живописцы правильно изобразить не умели. Но тако, по единому дела Петровы исчисляя, никогда конца не дойдем. Лучшее все двумя силами оглавить, которых себе от государей своих всякий народ требует: сия же суть народная польза и беспечалие.

Хочем ли видеть пользу? Смотрим на правительства, Берг-Коллегию, Камор-Коллегию, Коммерц-Коллегию, Манифактур-Коллегию и Магистрат главный. Смотрим на многая заведенная от него, ово для пресечения убытков, ово и для приискания прибылей способы: на заводы минеральныя, дома монетныя, врачевския аптеки, холстяныя, шелковыя и суконныя манифактуры, на предивныя бумажныя мельницы, на разных судов купеческих строения и иная многая у нас прежде небывалыя мастерства, и для удобнейшаго с места на место сообщения корыстей сведенныя перекопами реки и прокопанныя каналы, то есть реки новыя плодоносныя.

Хочем ли познать разныя и многовидныя беспечалия и охранения нашего виды? Смотрим на правительство юстиции, — сие страхом меча праведнаго от внутренних обид, напастей и прочих злодейств защищает нас; на коллегию вотчинную, — сия всякого собственныя оберегает пределы; а понеже внутренний за грехи наши умножился вред, домашнее неприятелство, разбой, — есть и на него собственное гонителное воинство. А от внешнего страха, от супостатскаго нападения ограждая Отечество свое, что оставил и чего к тому надлежащего не сделал многоочитый Петр? Адмиралтейским и воинским правительством устроил на море и на земле аки защиты и адамантова забрала. И какие к

тому пособия приложил? Оныя походныя, тако рещи, фортецы крепкия и страшныя, и не токмо к обороне, но и к наступательной войне угодныя; флот, глаголю, воинский, толь сильный и славный; оныя безопасныя от морской свирепости и свирепейших моря неприятелей гавани или пристанища; оныя непрестанно множащяся артиллерии; оныя новая по рубежам регулярныя крепости. И что еще? Крепости, штурмом взятыя, того ради самого, что сам оныя не победимую силою сокрушить и достать мог, вменив некрепкия, тыя же без сравнения крепчайшыя поделал. Сие наипаче место, неславное прежде и в свете незнаемое, а ныне преславным сем царствующим Петрополем и столь крепкими на реке, на земле и на море фортецами утвержденное купно и украшенное, — кто по достоинству похвалить может? Не видим ли здесь и пользу и защиту российскую? Се и врата ко всякому приобретению, се и замок всякия вреды отражающий: врата на море, когда оно везет к нам полезныя и потребныя; замок томужде морю, когда бы оно привозило на нас страхи и бедствия. Вся же та как пользованию нашему, так и охранению изобретенная, введенная, сделанная, дабы и правильно, и крепко содержаться могли. И о том неусыпное было Петрово попечение: что ни обретается в уставах и законах исправнейших в Европе государств, к исправлению Отечества нашего угодное, все то выбирать и собирать тщался и сам к тому многое от себя придал и дополнил регламенты и многия скрижали законныя сочинил. И дабы от судей и управителей небрегом то или развращаемо не было, желая себе всевидящия человеческия очи иметь, уставил чин прокуроров, то есть правды оберегателей. И дабы всякое злодейство, яко в зелии ехидна, сокрытися не могло, чин фискальства определил и одолжил оное не токмо траты государственного интереса, но и персональные подданных своих обиды усматривать и объявлять, таковых наипаче бедных человек, которые суда и управы искать или ради худости своей не могут, или ради силы обидящих не смеют. Все же то утвердил и заключил высоким правительством сенатским. Сенат — действительная рука монаршая; прочия, яко весла и парусы, а Сенат — кормило. Се видим бесчисленная приобретения и пользы, се благонадежныя защиты наша. И все ли то видим, все ли словом заключить можем, чем нас изобильно ублажил и благополучных и славных сотворил Петр Великий! Удивлятся токмо возможно, а выговорить весьма неудобно.

Да еще дивная и дивных и чудная в чудных показал, так что довольно и удивляться не можем. Ибо есть ли бы едиными воинскими токмо делами или едиными токмо исправлениями поли-

тическими так пользовал Россию, и то было бы дивно. Было бы дивно, есть ли бы одно один, а другой другой государь сделал: как римляне первых своих двоих царей, Ромула⁵ и Нуму⁶, похваляют, что он войною, а сей миром укрепил Отечество; или как в священной истории Давид оружием, а Соломон политикою блаженство Израилю сотворил. А у нас и се и другое да еще в бесчисленных и различных обстоятельствах совершил един Петр. Нам и Ромул, и Нума, и Давид, и Соломон — един Петр. Се не мы только говорим, говорят со удивлением все иностранные народы; как то в прошлом 1722 году великий посол польский именем государя своего и всея республики, в приветствии своем пред фроном и лицом императорскаго величества публично исповедал.

И сие о воинских и гражданских делах, хотя не равная словом предложения, показывают довольно, каков и коликий государь был дивный наш Петр. Но когда речь есть о государстве христианском, невозможно не спросить, каков он был и в делах, к другому оному вечному и бесконечному житию подлежащих, ибо хотя непосредственное звание сие есть чина пастьерскаго, однако ж высочайшее сего смотрение положил Бог на предержавших власть. И яко не должны цари воинствовать, разве или за нужду, или за охоту свою, а да бы порядочно действовало, — смотреть должны, и яко упражнятся купечеством не царское дело, а да бы обманства в куплях не было, — наблюдать дело царское есть. И тожде разуметь о учениях философских, и о разных мастерствах, и о земледелии, и о всей прочей экономии. Тако хотя проповедию слова утверждать благочестие на царях не лежит долг, однако ж долг их есть, и великий, о том печися, да бы и было, и прямое было учение христианское, и Церкви христовой правление. Много о сем учит нас Священное Писание, наипаче же царские истории, где в повествовании жития царей иных за доброе Церкви управление похваляет, а других за нерадение или развращение правоверия обличает. И по таковаго царскаго долженства исполнению Константин Великий⁷ нарицается у Евсевия Кесарийскаго превосходительне «епископ».

Петр же наш присно памятный остался ли и в сей славе от лучших израильских и христианских владетелей? Мнится, что нельзя и некогда ему было иметь попечение о Церкви, когда весь занят был походами, и действиями военными, и строением флота и крепостей, и иными бесчисленными делами. Но яко во всем прочем, тако и в сем дивнаго его показал Бог: во всем отъятом ему чрез многоделия времени нашел он время печися и

промышлять и о исправлении церковном. И коликое о том было в нем желание, некими прикладами дел его покажем.

Ведал он, какова темнота и слепота лжебратии наша раскольников. Беспříkladное воистинну безумие, весьма же душевное и пагубное! А коликое беднаго народа множество от оных лжеучителей прельщаемо погибает! И по отеческому своему сердоболию не оставил ни единого способа, чем бы тьму оную прогнать и помраченных просветить: велел писать увещевания, и проповедями наставлять, и обещанием милости, и неким утешением, то есть десными и шуими от заблуждения отводить, и на мирный разговор призывать. И не бесплодное попечение его явилось: многия тысячи обращенных на письме имеем, а упрямии и жестоковыйнии горшаго себе осуждения, яко безответнии ожидают.

Ведал он, коликое зло суеверие, которое, когда далече от Бога отводит, мнится к Богу приводит и душепагубное наносит безопасство; в прочих бо грехах ведает себе человек грешна быти, а в суеверии мнится службу приносить Богу и, тако погибая, мыслит о себе, что спасается, и, завязавши очи себе, беспечно приближается к стремине адской. Сие ведая и рассуждая, Петр возбуждал, аки от сна, чин пастырский, да бы суетная предания исторгали, в обрядах вещественных силе спасительной не быть показывали, боготворить иконы запрещали и учили бы народ духом и истиною поклоняться Богу и хранением заповедей угождати ему.

Ведал он, каковый вред происходит от лицемерия. Лицемеры бо, святыню себе притворяюще, прямые суть безбожники и точно чрево свое имеют в Бога, простой же народ к своему скверноприбыточеству уловляюще, непрестанными вымыслами помрачают свет евангелский и люди от любви Божия и ближняго отводят, — небо купно и земле, Церкви и Отечества злейшия враги. И от сея сладкия отравы всяким образом подданных своих оберегать тщался: притворныя чудеса, сновидения, беснования искоренял; лестцов колтунами, железами, и рубищами, и лукавым смирением, и воздержанием к виду святости, позлащающих себе, познавать учил и ловить и истязовать приказывал. И так треклятаго сего фарисейства ненавидел, что противное тому простосердечие, аки бы всего прочаго лучшее (как и воистину есть), в крайней любви содержал. И вечной памяти имеем мы наставление его. Бывшей бо в Синоде конференции о кандидатах на архиерейския степени, сие премудрейшее изрек слово: «Понеже, — рече, — трудно у нас изыскать к таковому делу совершенно угоднаго, тот, который явится не лукав, не коварен,

не лицемер, но простосердечный, тот буди нам и угодный и достойный». И воистину слово сильное: ибо простосердечный христианин духом Божиим водим есть и потому и без многокнижного учения к своему и к братнему исправлению умудрится.

Ведал же еще Петр, и с великою горестию сердца своего видел, коликое в народе российском умножилось было бессовестие — от исповедания грехов и от причастия вечери Господней весьма удалятся. О, крайняго бедствия! Удаляться от того, что едино есть нам жизни вечныя виновное! Сие едино улаждает нас печалях грехопадения нашего, сие поддержит нас, да не во отчаяние впадем, сие от громов гнева и суда Божия покрывает нас. Что же и о сем устроил Петр, всем известно.

А всего того, о чем помянулося, к пособию что мог знать, или от слуха и совета, или от своего рассуждения, ни чего не упустил. И сюды надлежат повеленные им заводы школ, сочинения книжиц богословских, древних учителей и историков церковных переводы и перевода Священнаго Писания исправления; сюды смотрили и старинныя артикулы монашеские возобновленные, и правила священства и всего церковнаго клира, и, да бы в семени и корени начиналось добро, поданое отроком веры прямой и заповедей Божиих учение. И дабы все то происходило, возрастало и утверждалося, уставлен духовный правительствующий Синод.

И се, о слышателие, в Петре нашем, в котором мы первее видели великаго богатыря, потом же мудраго владетеля, видим уже и апостола. Таковаго его царя, и царя христианскаго, показал Бог!

Но о, благоутробнейшаго отца и бодрейшаго монарха нашего! Устроив нам и утвердив вся блага, к временной и вечной жизни полезная и нуждая, ведая же, что все то на нем, яко на главном основании стоит, помышляя же всегда, чего многие вовсе забывают, что хотя и по составу тела и по силе державнаго достоинства своего крепок и тверд есть, однакож по перстному естеству, нетление в первом прародителе погубившему, смертен есть человек, — возимел прилежное попечение, как бы все от него устроенное не токмо при нем, но и по нем цело пребывало, и его бы самого долговремением превзошло, и, тако утвердишися, нерушимо происходило бы во многие века. И се то прямое царское и отеческое попечение. И не тако пекущиися, которые то только наблюдают, да бы добро было в Отечестве при животе их, весьма не радея, что будет по смерти их, не токмо не царски и не отечески, но ниже экономски делают и подобны суть путникам, шалаши или хижины строящим, которя да бы целы были и по

отшествии их, нет им и помысла. Что же Петр Великий к долго-времени усроенных нам благ наших примыслил? Примыслил и сделал то, на чем ныне видим и вся наша и нас самых утверждаемых. Положил другое себе подобное основание, подал нам другаго себе, высокодержавную наследницу, всепресветлейшую августу нашу Екатерину⁸. Ея благонравие долголетным сожителством искусив, ея любомудрие и великодушие в веселых и печальных, в счастливых и бедственных случаях довольно познав, яко же прежде судил быть достойную ложа своего, тако потом и достойную престола своего показал и не просто для чести, как в иных государствах делается, диадемою империи своея венчал ее, но дабы по нем и на малое время не был празден престол его, и смерть бы его не нанесла смущения, и крови, и многих в народе смертей, как прежде бывало, но и умершу ему, аки бы живу сущу, мир и тишина и дел его крепкое состояние пребывало. И такое свое о коронации супруги своея намерение, в прошлом 1722 году, готовяся в поход Персидский, объявил нам. Как то и осталось по намерению его и по желанию его деется неизречным к нам милосердием Бога нашего, яко в Петре благословившаго нас, тако и в Екатерине благославящаго. И тако Петр, оставляя нас, не токмо оставил нам неисчетная богатства своя, что уже довольно показали мы, но, и оставляя нас, не оставил нас.

Сия же вся от нас предложенная прочиим, издалече его видевшим или только слышавшим, паче меры удивителна покажутся, а нам всем, которые изблизка знали его во всем действующа и пекущаяся, обхождением же и беседами услаждалися, мню, яко сие о нем слово наше не токмо не дивное, но и не довольно и скудное является. Весте бо, каковая живость памяти, острота ума, сила рассуждения была; как ему не мешало безчисленное прежних случаев множество, что когда не деялось, к делу настоящему вспомануть; как скоро и чисто и довольно на трудныя предложения и вопросы ответствовал; как ясныя и полезныя на темныя и сомнительныя даклады подавал резолюцию. И понеже в мире сем коварном много утайкою и лестию деется, не токмо между чуждыми себе, но и между своими и домашними, — весте, како он тайно строимая постигал догадами, и что быть хочет и куды выдет аки бы пророчески доходил и опасством своим благовременно предварял, и како, где опдавало, знание свое покрывал, что политический учителя диссимуляцию нарицают и в первых царствования полагают регулах. Дивно всякому было легко рассуждающему, где он и от кого тако умудрен был, понеже ни в какой школе, ни в какой академии не учился. Но академии были ему грады и страны, республики и

монархии и дома царские, в которых гостем бывал; учителя были ему, хотя и сами про то не ведали, и к нему приходящие послы, и гости, и его, его угощающие, потентаты и управители. Где ни быть, с кем ни побеседовать случилось ему, то едино смотрел, не разойтись без некия пользы, без никоего учения. Много же языков, в исторических и учительских книгах частым чтением упражнялся. И от таковых то учений происходило, что разговоры его о коем-либо деле изобилные, хотя не многоречивые, были, суждения тонкия, и доводы сильныя, и между тем повести, притчи, подобия с услаждением купно и удивлением всех присутствующих. Но и в разговорах богословских и других слышать и сам не молчать не токмо, как прочии обыкли, не стыдился, но и с охотою тщался, и многих в сумнительстве совести наставлял, от суеверия отводил, к познанию истины приводил, что не токмо с честными делал, но и с простыми и худыми, наипаче же когда случилось с раскольниками. И готовое ему на то, аки всеоружие, было: изученные от священных писаний догматы, наипаче Павловы послания, которыя твердо себе в памяти закрепил. И таковыя Петровы дарования нам, добре ведущим и из близкаго и частаго сообществования видевшим, не дивно, но разве недостаточная есть, яко же помянулося, вся вышереченная повесть о воинских, гражданских и церковных делах и попечениях его.

Коликому убо риторству и красноречию быти подобает, которое столь многия и столь честныя силы, добродетели, деяния и дела по достоянию бы их украсить и возвеличить возмогло? И по единому из оных всякое требует к похвалению своему сильнаго витийскаго искусства. Наше же сие слово, которым хотя не вся, однако ж многия Петровы величия предлагать силимся, како оныя украсить могут, которых скорым и простым исчислением, и то не все именуя обстоятельства, с трудностию перебежать возмогает? Но к чему здесь утвари и цветы риторские? Толика добродетель не требует внешних украшений, сама собою честна и красна, сама себе преузорочная доброта в лице благообразнейшем. А есть ли бы и отвне убор некий потребен был, и того не в наших скудных сокровищах искать, но давно уже уготован есть всемирныя славы богатством. Слава всемирная есть достойная Петрова проповедница. То ему к вечному имени своему довольно, что в иноземных всех странах с великими похвалами возносим есть и без удивления не воспоминается. Где не скажут, что доселе Россия толикаго государя не имела? Где не засвидетельствуют, что от него перваго и единаго тако славный везде и великоименный показался народ российский? Но и собственные того име-

ем свидетелства в печатных в Липске латинских ведомостях, где известуют о кончине Петра нашего, нарицают его бессмертия достойнейшим. Вышла же недавно книжица о житии его, образом разговора. И тамо, в начале, показывает автор, что Петр превзошел Ксеркса⁹, Александра Великого¹⁰, Юлия Цезаря¹¹. И некто от политических французских писателей Петра российского не мало выше кладет от своего государя славного онаго Великого Людовика¹². И тожде слово согласием своим утверждает другой, который о неудобности нашего с римлянами соединения пишет. И как не так! Все бо оные и прочие монархи застали во Отечестве своем всякая учения и мастерства, воинство доброе и искусных военачалников и градоначалников. Петр же все тое делать и вновь заводить принужден был, купно же теми и действовать и совершить толика возмог. Но то еще похвалы хотя от иноземных человек, да частных и единоличных, которых и без числа собрать бы можно, а се тож де и всенародными голосами проповедуеся. Что сказал о славе его великий посол польский, уже прежде у нас помянулося. Воспомяните же и что говорил персидский посол, который между иными похвалами славу дел его, всюду проходящую, уподобил солнцу, мир весь озаряющему. И когда прошением нашим убедили мы его принять звание Великого и императора (каков и прежде был и от всех нарицался), везде сие похвалено и утверждено. Что же и по смерти его от разных дворов и сожалительных к ея величеству посланиях написано и какими похвалами от всех монархов наш возвеличен, сие предлагать не достанет времени.

Возлетел же ты на самый верх славы, великоименный муже! Ни для чего нам печися о похвалах, о прославлении твоём. Не имел ли ты нужды завидеть кому, как другие другим завидели величающаго стихотворца, и память хранящих статуй, и тропею! Дивная дела твоя суть твоя тропеи. Россия вся есть статуя твоя, изрядным мастерством от тебе переделанная, что и в твоей эмблеме неложно изобразуется; мир же весь есть и стихотворец, и проповедник славы твоея. И когда всемирныя о тебе песни и проповеди умолкнут? Ибо есть ли славятся, кто и где первый вымыслил фалангу, то есть образ некий собственного строя и действия воинскаго, и кто таковое изобрел оружие или выдумал стратегему, и кто сего или онаго града создатель, — о тебе, который (генерально сказать) весьма вся нам подал, и не город, но всю Россию, каковая уже есть, сделал и создал, когда и где умолкнут многовещанная повести?

Имеем ли еще, о россияне, и высшее, ибо высочайшее о Петре нашем свидетелство. Довольно о нем засвидетельствовал Бог, сей

свидетел на небеси верен, который чудесным смотрением во многих бедствиях сохранял его, во оных трудных крепостях атаках, во флотовых на мори сражениях, на баталии под Лесным, где изнемог и, оледенев, принужден был почить на неизвестном месте, не ведая стана своего; на баталии Полтавской, где так далече смерть от него была, как далече шляпа от головы, Прутовой акции, то есть в самых смерти челюстях. Свидетельствовал о нем Бог, когда покрыл его от предстоящих и соседящих ему неоднократно изменников, от связавшихся на живот его сковников, от възъярившихся бунтовщиков. Всего же дивнейшее было Божие к нему призрение, еще отрока его суца и к толикой славе немеряемаго, от бесноватой стрельцов лютоости сохранившее тогда, когда оные звери царских служителей и сродников не из дому токмо, но и из рук его на убиение похищали. О, време не ужаснаго! Далече ли было злодейство оное от самаго крайняго дерзновения?

Засвидетельствовал же, наконец, Бог о нем и в блаженной кончине его, сильно действующею благодатию своею присутствовал и даровав ему толикое благочестия чювство, прямое покаяние, живую и твердую веру, что аки бы ощущаемая была десница Всевышняго. Чудное было видение и дивный позор, слезящих многих, кто присутствовал, при надходящей кончине его, понудил слезить и от умиления. Ибо когда от духовных укрепляющих его воспоминание спасительной нам смерти сына Божия услышал, аки бы забыв нестерпимое свое внутреннее терзание, веселым лицом, аще и осохшим языком, не однократно воскликнул: «Сие, — рече, — едино утоляет жажду мою, сие едино услаждает мене», — перенося ум свой от вещественнаго, которым уста промачивал, пития, до духовной оной и спасительной прохлады. Утверждаемый паки в вере, очи и руки, елико мог, поднимая в гору, «верую, — рече, — Господи, и уповаю. Верую, Господи, помоги моему неверию». Когда же и речъ весьма оскудела, и тогда на частыя предложения о суете мира сего, о милосердии Божии и о вечном на небеси царствовании, и воставать, и руку в гору подымать, и крестное знамение изображать силился, и к радости лице устроивал, и весьма в болезни торжествовал, яко несумнительный вечных благ наследник. Сия же все действовал многострадалный монарх чрез все время смертнаго подвига своего, который до пятинадесяти часов продолжался. И хотя в шестый еще день страдания своего, по исповеди грехов своих, тела и крови Господней причастился, но и в подвиге оном, вопрошен, аще паки желает вечери Христовой, поднятою рукою желание свое показав, паки сподоблен есть.

Толикая же, о слышателие, Божия благостыни, к отцу нашему и в жизни в кончине его явленная, показывают, что он и всемирных оных похвал себе не требует. Похвалы его суть наши похвалы; он же небесной со Христом славы достиг, все земная ни во что не ставит, и нам хвалить и славить его понуждающимся, мнится, сими или сим подобными отсутствует словесы.

Как плакаться мне, так и прославлять мене, сынове мои, мало есть на потребу. Избег я многмятежнаго и многобеднаго жилища, аще, по мнению вашему, и вельми счастливаго, и сие не плача, но радости достойно есть. Получил я неувядаемый венец от всецедраго человеколюбца, милостиваго мене за кровь сына своего, в наследие свое приемшаго, и сие всякия земныя ваши славы без сравнения превосходит и к тому непотребныя показывает. И аще кая польза в приобретенной мною на земли славе есть, — ваша есть. И аще оную целу сохранить желаете, сохраните дела моя, не забудьте наставления моего, наипаче же нелицемерною любовью и верностию послужите любезнейшей наследнице моей, поданной от Бога чрез мене самодержице, и тоежде имейте усердие ко всей крови моей дражайшей. Прочее, тако живите на земли, да не лишитесь небесной жизни; тако тецйте на подвизе житейском, да всеблаженнаго места сего достигнете.

Положим убо слова конец, положим купно и слез умерение. Яко славословить его по достоянию неудобно, тако и плакаться о отъятии его довольно не можем, аще бы и дана была главе нашей вода и очима нашими источник слез, чего желал плачевный пророк. Но хотя, похваляя Петра, и не достигнем словом славы его, однако ж от сыновняго долженства нечто выплатим. А без меры сетуя и рыдая, сделаем и обиду добродетели его, и на славу его не мало погрешим, ибо тако покажем, будто лишением его всех благ лишились мы, как плакаться подобает по умершем великих надежд отроке, с которым все на него чаянная умирают. Петр же наш, премногая благая совершив нам и самих нас лучших нам сотворив, хотя и слезить нас понуждает отшествием своим, но и радоваться повелевает бесчисленными и с ним не умершими благодеянии своими.

Благодушествуй же и ты, державнейшая государыня наша, мать всероссийская, всего благодушия, всего любомудрия твоего употреби, еще бы утолить и победить тебе скорбь толикую! Молит тебя о сем Отечество, да не умножиши печали общей, но яко же владением веселиши, тако и отрадою твоею всех обрадуеши. Ищет сего и просит у тебя кровь, и племя, и сродство твое, все высокая фамилия, да не от них возмееши вину утешения, и

их цвету увядать не попустиши. Требует сего от тебя Петр, да не ослабелою рукою держиши скипетр его, и как содеянная им утвердить, так и подобная делать возможеши. Но тожде и сам Бог повелевает тебе, да не жалостная сия тьма помрачит в тебе милость его. Отвержесе утешитися душа твоя, помяни Бога и возвеселися. Он тебе дивными судьбами избрал, Петру сочетал и на толикую высоту возвел, он и утвердит, и безбедну сотворит тебе. Уповай на Его, на Него же Единого уповал Петр. И который сохранил Петра во всех путях его, сохранит и тебе. О, буди, Господи, милость твоя на нас, яко же уповахом на Тя! Сей глас присно к Тебе возносил Петр наш, сей и мы от глубины сердец воздвигаем. И не престани миловать помазанницу Твою, нашу самодержицу, и горесть ея на сладость претвори!..

